

Ван Чжэнь ещё несколько раз слегка коснулся его губ поцелуями, после чего тихо промолвил:

— Через несколько дней я отправлюсь в Ючжоу. Дела Приказа серебряных ассигнаций нужно продвигать дальше — оставлять всё на одного Цинь Сы всё-таки нельзя. Эх, младший брат, какова же наша жизнь... Век человеческий и без того короток, а мы всё крутимся в заботах и почти не видимся. Отлучусь в Ючжоу — и пропадёт как минимум месяц. А месяц — это десять раз по три дня. Где же мне набраться столько раз по три дня?

Тан Шэнь вдруг осознал:

— Постой-ка... Ты завёл этот разговор только потому, что уезжаешь в Ючжоу?

Ван Чжэнь с улыбкой ответил:

— Ну да. А ты что подумал, младший брат?

Тан Шэнь:

— ...

Он без раздумий резко заехал локтём назад, прямо Ван Чжэню в живот. Ван Цзыфэн болезненно охнул и разжал руки.

Тан Шэнь решительным шагом направился прочь.

Ван Чжэнь произнёс ослабевшим голосом:

— Б-больно вообще-то... Кажется, ты мне что-то отбил.

Тан Шэнь даже не обернулся, ускоряя шаг.

Дождавшись, пока тот уйдёт достаточно далеко, Ван Чжэнь выпрямился и со вздохом сказал про себя:

— Ну вот, заигрывать тоже надо знать меру. Смотри-ка, даже не пожалел меня.

Вскоре Ван Чжэнь покинул Шэнцзин и направился в Ючжоу.

В конце одиннадцатого месяца в Шэнцзин прибыли три доклада из трёх разных мест. Обычные доклады из провинций должны были сначала проходить через руки правого канцлера Сюй Би и лишь затем попадать на стол государя. Но на сей раз всё было иначе. Эти три послания доставили прямиком во Дворец Чуйгун и передали императору под видом личных семейных писем.

Чжао Фу развернул послания и первым делом проворчал:

— Что за пустая писанина! Набор красивых фраз, а сути никакой!

С этими словами он бросил доклады на стол и лишь спустя несколько часов снова вернулся к их чтению.

Трое принцев покинули столицу полгода назад. Уезжали они обычными подданными, не имевшими за плечами никаких заслуг. Прибыв на вверенные им земли, они, разумеется, принялись усердно трудиться, желая отличиться и завоевать расположение.

Второй принц Чжао Шан отправился в Гусу. Изначально он намеревался действовать через Военно-серебряный банк и таким образом вмешаться в дела Приказа серебряных ассигнаций. Намерение было благим: он хотел помочь Приказу серебряных ассигнаций лучше наладить работу в управе Гусу, однако всё оказалось куда сложнее, чем он думал. По неизвестной причине он оставил затею с ассигнациями, и в нынешнем докладе рапортовал о том, как возглавил войско и разгромил банду речных разбойников.

Четвёртый принц Чжао Цзин отправился в Цзичжоу. Низовья Хуанхэ пересекали Цзичжоу, и каждый год во время разливов этот край превращался в бескрайнее море, оставляя народ без крова. Чжао Цзин разыскал умелых мастеров из Приказа общественных работ и заново укрепил цзичжоуские дамбы.

Пятый принц Чжао Цзи отправился в Лянчжоу. Управа Гусу была богатым и процветающим краем, однако там хотя бы порой бесчинствовали речные пираты, на чём и можно было сыграть; Цзичжоу стоял на пути Хуанхэ, так что достаточно было лишь укрепить дамбы, чтобы записать это себе в заслугу. С Лянчжоу всё было иначе.

Лянчжоу располагался в самом сердце Центральных равнин, народ там жил в достатке и спокойствии. С древних времён этот край не знал ни стихийных бедствий, ни крупных смут. Пятый принц Чжао Цзи сломал всю голову и в итоге прислушался к совету советников — занялся наведением порядка среди местной чиновничьей братии. Пусть быстрых результатов это не принесло, но замысел был глубоким и потребовал немалых трудов, так что старался он куда больше Чжао Шана и Чжао Цзина.

Теперь же, с приближением Нового года, все трое принцев захотели вернуться в столицу и направили совместные прошения.

Поскольку доклады принцев миновали Дворец Циньчжэн и попадали сразу на стол Чжао Фу, никто не делал в них пометки и не выделял главное. Чжао Фу раскрыл первый попавшийся свиток, а там с самого начала: «Внимая вестям из Гусу, сын Ваш не смыкает глаз ни днём, ни ночью, а при мысли о венценосном родителе сокрушается всем сердцем и нутром...»

Ну и ахинея.

Чжао Фу, поморщившись, преодолел все три послания, после чего проявил некоторый интерес к трудам Пятого принца Чжао Цзи. Он долго разглядывал третий доклад и наконец призвал министра Приказа чинов Шэнь Юня:

— Мои сыновья желают вернуться в Шэнцзин на Новый год. Что думает об этом Шэнь-цин?

Шэнь Юнь почтительно ответил:

— Каждую начальную пору года чиновники пятого ранга и выше прибывают из провинций в Приказ чинов с отчётами. Желание троих принцев вернуться в столицу вполне естественным образом совпадает с этим порядком. Впрочем, принцы обладают особым статусом и вовсе не обязаны следовать общим правилам Приказа чинов, так что их прибытие до наступления Нового года более чем оправданно. Полагаю, это весьма уместно.

Чжао Фу молвил:

— В таком случае пусть возвращаются.

Весть о скором возвращении троих принцев за одну ночь облетела весь Шэнцзин.

Гонцы повезли высочайшие указы в Гусу, Цзичжоу и Лянчжоу, а столичные чиновники тем временем принялись строить догадки.

Тан Шэнь тоже уловил в этом решении Чжао Фу нечто недоброе. Возвращение троих принцев в столицу не могло быть мелочью. Было похоже, что вместе с ними на город обрушится бурный поток придворных интриг.

Однако никто и помыслить не мог, что не прошло и двух дней с момента оглашения указа, как в городе Шэнцзин произошла любопытная история.

Правый заместитель министра Приказа общественных работ и по совместительству заместитель главы Судебного приказа Су Вэньюнь подвергся домашнему допросу с требованием немедленно жениться!

Господину Су Вэньюню исполнилось двадцать шесть лет — возраст по всем меркам солидный, однако он всё ещё не был женат. Семья Су считалась знатным и могущественным родом в Бэйчжили. Но поскольку среди нынешнего поколения чиновников из рода Су именно Су Вэньюнь занимал самый высокий пост, до сих пор никто не смел открыто оказывать на него давление. К тому же Су Вэньюнь круглый год сидел в столице и не носа не показывал дома, так что родня просто не могла до него добраться.

Но видя, что на Новый год ему стукнет уже двадцать семь, Семья Су больше не могла проявлять терпение.

Престарелая Старая госпожа Су среди ночи примчалась из Бэйчжили в Шэнцзин. Снискав себе право карать по семейному уставу, она заставила Су Вэньюня опуститься на колени в родовой молельне перед поминальными дощечками предков и родителей. Она велела ему заучивать семейные правила наизусть и строго-настрого запретила вести беспечный образ жизни, потребовав немедленно обзавестись семьёй.

Обычно лишь сам заместитель главы Судебного приказа Су Вэньюнь использовал провинившихся чиновников как мишени для порок, засекая их едва ли не до смерти. Кому бы еще пришло в голову учить его уму-разуму? Эта курьёзная новость мгновенно разлетелась по всем улицам и переулкам Шэнцзина, превратившись в излюбленную тему для сплетен во внутренних покоях чиновничьих усадеб.

«Из трёх видов нечестивости перед предками самый тяжкий — не оставить потомства! Неужели тебе не стыдно перед покойными родителями?!»

Су Вэньюнь отбыл наказание на коленях до синяков, но так и не дерзнул перечить собственной родной бабушке. Бедняга, чиновник третьего ранга, оказался принудительно наказан стоянием на коленях в собственном доме, и даже пожаловаться ему было некому.

Шум поднялся на весь город, и вскоре история дошла даже до Чжао Фу.

Чжао Фу вызвал Су Вэньюня во дворец и с любопытством спросил:

— И это правдивые слухи?

Выражение лица Су Вэньюня в этот момент стало поистине незабываемым. У него до сих пор не сошли опухоли на коленях — как тут могло быть неправдой?

Во Дворце Чуйгун раздался звонкий, раскатистый смех Чжао Фу.

Вскоре правый заместитель министра Приказа общественных работ получил императорский указ: отправиться в Цычжоу для инспекции отремонтированного казённого тракта Сичжоу.

Едва указ вступил в силу, чиновники сделали свои выводы.

Тан Шэнь нашел в этом нечто примечательное: «История с принуждением Су Вэньюня к браку вряд ли вымышлена. С вероятностью в девять из десяти всё так и было — сам Су Вэньюнь едва ли ожидал, что Старая госпожа Су заявится в Шэнцзин. Но вот то, что его заставили простоять на коленях перед алтарём целые сутки... Неужели это действительно в духе Су Вэньюня?»

Тан Шэнь мысленно вздохнул: «Как бы то ни было, воспользовавшись этим случаем, он благополучно покинул Шэнцзин. Скорее всего, он вернётся не раньше наступления весны, избежав таким образом первой волны бури, вызванной прибытием троих принцев».

Су Вэньюнь совершенно естественным образом уехал из столицы, однако другим повезло куда меньше.

Тан Шэнь ещё не знал, что за день до отъезда Су Вэньюня из Ючжоу в Шэнцзин прибыл доклад, который лег прямо на стол Чжао Фу. Левый пуге Приказа министерств Ван Чжэнь направил прошение, в котором подробно изложил все сложности работы Приказа серебряных ассигнаций, подчеркнув, что силами одного человека в короткий срок с этим не справиться. В каждом слове сквозил прозрачный намёк: он просил государя дать ему помощника, а именно — перевести Тан Шэня из Шэнцзина в Ючжоу, чтобы они вместе ведали делами Приказа серебряных ассигнаций.

Чжао Фу давно знал об отношениях между Ван Чжэнем и Тан Шэнем. И теперь, написав этот пышный доклад, Ван Чжэнь в самом конце даже позволил себе намекнуть на то, как сильно скучает по Тан Шэню. Подобные откровенные речи мог позволить себе только фаворит в личной беседе с государем — посторонний бы ничего не понял, но Чжао Фу прекрасно уловил подтекст Ван Цзыфэна.

Однако, развернув это изящно составленное прошение Ван Чжэня, Чжао Фу лишь равнодушно начертил короткий ответ:

«Нам ведомо».

В тот же день Чжао Фу отправил в Ючжоу Юй Чаошэна, Сюй Линхоу и других чиновников, обойдя вниманием одного лишь Тан Шэня.

Спустя несколько дней Тан Шэнь прознал о том, что Ван Чжэнь просил у государя откомандировать его. Он без труда разгадал подоплёку происходящего. На душе у него стало тепло от заботы и глубокого замысла Ван Цзыфэна, и он написал письмо в Ючжоу. Сообщение было кратким — в нём содержалось лишь четверостишие поэта прошлой эпохи:

«Желаю тебе поменьше забот, у западного окна созрела зелёная слива.

Вдохни аромат летних дождей, и пусть радостна будет наша долгожданная встреча».

Отправив письмо в Ючжоу, Тан Шэнь снова погрузился в тяжелые раздумья о намерениях Чжао Фу.

Тан Шэнь и без того занимал должность правого заместителя главного цензора Приказа серебряных ассигнаций, и если Ван Чжэню требовались люди, отправить его было бы самым

разумным шагом. Однако государь предпочёл отрядить левого заместителя министра финансов Сюй Линхоу, но только не Тан Шэня.

Наступил двенадцатый месяц, и в воздухе повеяло настоящим холодом.

<http://bllate.org/book/18292/1757476>